

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 111:701
ББК 87.8(2:4)

Шалыгина Ольга Владимировна

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук, доцент культурологии, старший научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX-начала XX века, Россия, г. Москва, e-mail: shalygina@imli.ru

А. Вольнский. Критические и догматические элементы в философии Канта (части XV–XVI)¹

Публикуются XV–XVI части статьи А. Вольнского «Критические и догматические элементы в философии Канта», посвященные анализу таких категорий кантовской эстетики, как «красивое» и «высокое». А. Вольнский выделяет особое значение проблемы единства трансцендентальной эстетики и трансцендентальной логики Канта, а также единства критических и догматических оснований его философии. Эта статья в полном объеме включена в «Книгу великого гнева», на кантовских категориях «красивого» и «высокого» выстраивается картина развития русской литературы на рубеже веков, а в 1920-е годы теория русского балета.

Ключевые слова: русская философия, история русской литературной критики, русский идеализм конца XIX – начала XX века, философия Канта в России, Аким Вольнский

Shalygina Olga Vladimirovna

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, PhD (Philology), Associate Professor of Cultural Studies, Senior researcher of the Department of Russian Literature of the late XIX-early XX century, Moscow, Russia, e-mail: shalygina@imli

A. Volynsky. Critical and Dogmatic elements in Kant's philosophy (parts XV–XVI)

We present here sections XV–XVI of A. Volynsky's article "Critical and Dogmatic Elements in Kant's Philosophy", which are devoted to an analysis of such categories of Kant's aesthetics as "the beautiful" and "the sublime." Volynsky emphasizes the special significance of the problem of the unity of Kant's transcendental aesthetics and transcendental logic, as well as the unity of the critical and dogmatic foundations of his philosophy. This article is included in full in Volynsky's A Book of Great Anger, which constructs on the basis of Kant's categories of "the beautiful" and "the sublime" a picture of the development of Russian literature at the turn of the century, as well as a theory of the Russian ballet of the 1920s.

© Шалыгина О.А., 2020

Соловьевские исследования, 2020, вып. 4, с. 47.

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им.А.М.Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект №17-18-01432-П) / This scientific investigation was carried in Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences out with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432).

Key words: *Russian philosophy, history of Russian literary criticism, Russian idealism of the late XIX – early XX century, Kant's philosophy in Russia, Akim Volynsky*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.047-061

Аким Львович Волынский (Хаим Лейбович Флексер) – незаслуженно забытый и неочененный философ-идеалист, распространивший кантианскую критику на широкую область искусства (литература, живопись, балет), давший анализ общественных и литературных тенденций, ознаменовавших кризисный период в духовном развитии русского общества конца XIX – начала XX века. В знаменитом цикле статей «Русские критики» он оформляет свои требования к литературной критике, полагая, что «при анализе каких-либо типичных образцов общественной мысли критика должна точно определять, что в них есть живого, истинного, вечного и что является преходящим элементом, который всецело принадлежит данной эпохе и вместе с нею вытиснется новыми умственными силами и течениями» [1, с. II]. Критика, по его мнению, должна быть не публицистической, а философской: «Настоящая литературная критика должна быть компетентна как в оценке поэтических идей, всегда имеющих отвлеченную природу, так и в раскрытии творческого процесса, который является взаимодействием сознательных и бессознательных сил художника» [1, с. II].

Статья «Критические и догматические элементы в философии Канта» представляет особый интерес для истории философии и развития идей Канта в России, она была написана Волынским по поводу книжных новинок 1888–1889 годов (лекции Канта по психологии с введением Карла Дю Преля «Мистическое мировоззрение Канта»², работы Канта «Переход от метафизических начальных основ естествознания к физике» с предисловием Альбрехта Краузе³) и опубликована в №№ 7, 9–12 журнала «Северный вестник» за 1889 год. В ней Волынский выходит за привычные рамки обзора книжных новинок, подробно разбирает базовые категории кантовской философской системы и объясняет их значение русскоязычному читателю. Работа Волынского имела большой резонанс в кругах становящейся в ту пору оригинальной русской философии. Одним из первых на публикацию откликнулся Н. Грот, редактор журнала «Вопросы философии и психологии». «Вашему сотрудничеству в журнале особенно рады, – писал он Волынскому от 5 января 1890 г., – так как много сказано о Вас. А.А. Козлов очень рекламировал мне вашу заметку о Канте»⁴. Особый интерес

² См.: Kant, Immanuel, and Karl Ludwig August Friedrich Maximilian Alfred Du Prel. Vorlesungen über Psychologie: Mit einer Einleitung: Kants mystische Weltanschauung. Leipzig: E. Günter, 1889. 96 p.

³ См.: Kant, Immanuel, and Albrecht Krause. Das nachgelassene Werk Immanuel Kant's: vom Uebergange von den metaphysischen Anfangsgründen zur Physik. Frankfurt a.M.: Schauenburg, 1888. 213 p.

⁴ Грот Н. Письмо Волынскому от 5 января 1890 г. // РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 453. Л. 4.

для истории русской литературной критики и эстетики представляет раздел статьи Вольтинского, посвященный анализу таких категорий кантовской эстетики, как «красивое» и «высокое». Этими категориями он пользуется сам как литературный критик и редактор «Северного вестника».

Критическая философия Канта, по мнению А. Вольтинского, является «образцом возвышеннейшего, научно-метафизического мышления»⁵, в скрытой глубине которого «свобода, Бог, бессмертье, на открытой поверхности – мир чувственных представлений и рассудочных понятий...»⁶. Говоря о Канте, он, прежде всего, формулирует основания собственного мышления. Трансцендентальная эстетика и трансцендентальная логика Канта – это, по мысли Вольтинского, «бессмертное изваяние настоящей, живой мудрости»⁷. В этих двух отделах, по его мнению, сосредоточена «вся критическая философия, в своих главнейших, существеннейших положениях, вся теория трансцендентального идеализма и эмпирическая реализма»⁸.

Вольтинский выделяет в кантовском учении единство критических и догматических оснований его философии: «Кто принял кантовское учение о пространстве и времени, тот не может отвергнуть и учение о свободе, об умопостижимом характере, окруженное густою тенью непознаваемого» [2: 12, с. 63]. На этом прочном фундаменте он Вольтинский строит здание современного ему философского идеализма. Неслучайно статью он включает в состав труда, подводящего итог его многолетней литературно-критической деятельности, в «Книгу великого гнева» (1904 г.). К уже готовой к печати книге приверстывается статья «Что есть идеализм?». На кантовских категориях «красивого» и «высокого» он выстраивает новую картину развития русской литературы на рубеже веков и проводит тщательный анализ болезней «современной души», отразившихся в декадентстве. На изменение взглядов модернистского критика значительно повлияло его путешествие на Афон в 1902 году. «Изображение мира в его идеальных подобию, созерцание мира в свете его божественной сущности»⁹, как метафизический принцип византийской иконографии, представляется ему теперь тем самым новым путем художественного творчества, на котором творчество может раскрыться шире и глубже и который он искал на протяжении почти двадцати лет своей литературно-критической деятельности.

⁵ См.: Вольтинский А.Л. Критические и догматические элементы философии Канта // Северный вестник. 1889. № 11. С. 61 [2].

⁶ Там же. № 12. С. 63.

⁷ См.: Вольтинский А.Л. Критические и догматические элементы философии Канта // Северный вестник. 1889. № 7. С. 77.

⁸ Там же.

⁹ См.: Вольтинский А. Книга великого гнева. Критические статьи. Заметки. СПб.: Тип. «Труд», 1904. С. XXXV [3].

Но наиболее полно философская задача будет исполнена им в «Книге ликований», где под покровом «Азбуки балета» Волынский сделает шаг в теоретическом рассмотрении связи априорных категорий времени и пространства¹⁰. Избрав материалом балет как пластическое искусство, Волынский создаст моторную эстетику на основании трансцендентальной эстетики Канта, опишет язык и законы классического балета как технику взлета человеческого духа, отраженную в движениях его тела.

К публикации отобраны части XV–XVI названной статьи А. Волынского, в которых автор рассматривает работу И. Канта «Критика суждений», посвященную анализу основных категорий кантовской эстетики («красивое» и «высокое»), а также подводит краткий итог рассмотрения критических и догматических оснований всей кантовской философской системы.

Постраничные сноски представляют собой ссылки А. Волынского с сохранением стиля цитирования, орфографии и авторской пунктуации. В конце-вые сноски вынесены наши комментарии.

А. Волынский

КРИТИЧЕСКИЕ И ДОГМАТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ФИЛОСОФИИ КАНТА¹

(подготовка текста *О.В. Шалыгина*)

XV.

Из всего до сих пор сказанного ясно видно, что вся кантовская философия построена на двух началах: на теоретическом разуме и практической вере. «Критика чистого разума» открыла два великих принципа: принцип научного познания и принцип свободы. Она дала основные положения для двух важнейших отделов философии: для метафизики природы и метафизики нравов. В «Критике практического разума» установлено было преимущество (примат) практического разума над теоретическим: вот почему вся кантовская мораль, с начала до конца, залита ярким догматическим светом. «Grundlegung zur Metaphysik des Sitten»ⁱⁱ, «Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre»ⁱⁱⁱ, и «Religion innerhalb der reinen Vernunft»^{iv} удивительные образцы философского мышления, направленного в сторону умопостигаемого. Раз признавши первен-

¹⁰ Подробнее в нашей статье см.: Шалыгина О.В. Время и пространство в моторной эстетике А. Волынского // Соловьёвские исследования. 2019. № 4. С. 100–113.

ство свободы, Кант не убоился никаких возможных отсюда выводов. Метафизика нравов идет в разрез со всем обычным строем наших понятий. Без глубокого психологического анализа нельзя постичь её оригинальных достоинств, необычайной красоты её философского построения и всей глубины её вдохновенного захвата. Как система, метафизика нравов продумана, можно сказать, от первой до последней буквы. Но эта система все-таки не была бы вполне законченной, если бы Кант не написал еще своей «Kritik der Urtheilskraft»^v, сочинения, посвященного вопросам эстетики и телеологии. «Критика силы суждения» появилась впервые в 1790 году, но ей предшествовали некоторые работы, в которых обсуждались уже главнейшие предметы этого трактата. Таковы: «Наблюдения над чувством красивого и высокого»^{vi} (1766), «О различных расах людей»^{vii} (1775), «Определение понятия человеческих рас»^{viii} (1785), «Об употреблении телеологических принципов в философии»^{ix} (1788)¹¹. Но в «Kritik der Urtheilskraft» все частные вопросы, поочередно занимавшие философа, получили окончательную обработку, в полном соответствии с критико-догматическими элементами кантовского мирозерцания. Три отдела кантовской системы захватывают, можно сказать, все интересы человека. Метафизика природы (как мы увидим ниже) имеет дело с эмпирически реальным миром, метафизика нравов – с тем, что должно быть, с идеальными поступками, «Критика силы суждения» с *рефлексивными* понятиями, с воображением, с эмоциями красивого и высокого. Человек не только познает и действует, но и восторгается красивым или высоким и мыслит о целесообразном устройстве органического мира. «Kritik der Urtheilskraft» – соединительная ступень между философией природы и философией нравов, между законом *механической* причинности и законом свободы, законом *моральной* причинности. Если свобода первенствует над природою, то, следовательно, весь мир механических законов – не больше, как частный случай этой свободы и критика, посредствующая между подчиняющим разумом и подчиненным рассудком, не может быть ничем иным, как именно *критикою силы суждения*. «Urtheilskraft^x вообще, говорит Кант, есть способность мыслить частное, как заключающееся в общем. Если это общее дано, сила суждения, которая подчиняет ему частное, будет *определяющею*. Если же дано только частное, к которому общее должно быть отыскано, то сила суждения будет *рефлексирующею*»¹². Определяющая сила суждения не вносит ничего нового в общий состав априорных законов, предписываемых рассудком. Её задача только *подчинительная*. Вот частное – отыщите витрину, в которой ему подобает занять определенное место. Витрина дана наперед и

¹¹ Philosoph. Bibl. B. 57.

¹² Phil. Bibl. B. 9. Kritik der Urtheilskraft, Von der Urth., als einem apriori gesetzgebenden Vermögen, IV, 16.

вам предстоит исполнить небольшую логическую работу. Рефлексирующая сила суждения, восходящая от частного к всеобщему, имеет гораздо более трудную задачу. Она должна отыскать принцип, дающий единство многообразию эмпирических данных. Она должна сама *сотворить* этот принцип, ибо только априорное, трансцендентальное может вдохнуть систему и план в материалы эмпирического восприятия. И этот принцип *der Urtheilskraft* – есть начало целесообразности, естественная целесообразность, в силу которой природа представляется так, как будто бы все разнообразие её эмпирических законов было проникнуто определенным разумным началом¹³. С помощью объясняющих понятий мы познаем внешние механические законы, с помощью рефлексивного понятия целесообразности мы ничего не познаем, а только созерцаем внутреннюю, *специфическую* закономерность явлений. Естественная целесообразность есть принцип спецификации природы. Она руководит не познанием предметов, а суждением о них. Она трансцендентальный принцип *der Urtheilskraft*, принцип воображения, рефлексии, но отнюдь не принцип теоретического познания¹⁴. И эта естественная целесообразность относится либо к *форме* бытия, либо к самому *бытию* предметов. В первом случае принцип целесообразности становится принципом эстетическим, во-втором – телеологическим. Таким образом, вся «Критика силы суждения» логическим образом разбивается на две части: на *Kritik der ästhetischen Urtheilskraft*^{xi} и *Kritik der teleologischen Urtheilskraft*^{xii}. Кантовская эстетика знает только два предмета: прекрасное и высокое. Спокойная красота и драматические движения высокого – таково неизменное содержание всех различных видов поэтического творчества. На изображении красивого и высокого основаны величайшие художественные эффекты. Гомеровские поэмы производят чарующее впечатление именно тем, что в них красота сплелась с высоким, великолепные, прозрачные описания природы чередуются с рельефными картинами человеческого горя, с картинами высокой дружбы и героического страдания. Красота есть принцип гармонии, безмятежного созерцания, высокое есть принцип драматического волнения чувств, борьбы различных душевных сил, принцип дисгармонии между душевными *способностями* и душевными *идеалами*. В анализе красивого и высокого Кант с удивительным мастерством обнаруживает те скрытые пружины, которыми литература производит свои эстетические действия. Это целый кодекс правил, связанных с общим мирозерцанием философа и в то же время обличающих в Канте меткий глаз и поистине замечательную остроту художественного понимания. Кантовская теория красоты один из самых бле-

---

¹³ Ibid. 18.

¹⁴ Ibid. V, Das Princip der formalen Zweckmässigkeit der Natur ist ein transcendentales Princip der Urtheilskraft. 24.

стоящих аргументов в пользу *критической* философии. Трансцендентальная эстетика здесь вновь говорит одно из самых мощных своих слов – с широким творческим размахом, блистая лучшими своими *критическими* элементами.

Нужно различать физические и нравственные удовольствия от эстетических. Различного рода наслаждения приятны, нравственно добрые поступки внушают нам чувство самоуважения – в обоих случаях субъективная эмоция вызывается определенным объектом или действием. Все чувственные удовольствия материальны, ибо они невозможны без соответствующих *ощущений*. Физические удовольствия основаны на непосредственном восприятии органов чувств: наслаждаться – значить ощущать, потреблять, в узком и широком смысле слова. То же надо сказать и об удовольствиях нравственных. Они возможны только как результат известных *поступков*. Мыслить себя героем добродетели не значит будить в себе приятные, нравственные эмоции. Без практического *действия*, без дела нет высоких нравственных настроений. Иначе говоря: физические и нравственные удовольствия суть удовольствия с *интересом*, так сказать, *пристрастные* удовольствия. Говоря о чувственно или нравственно приятном мне предмете, я заинтересован в *бытии* его, в действительном его существовании, ибо одно *представление* его бессильно дать мне желаемое физическое или нравственное чувство¹⁵.

Не таковы удовольствия эстетические. Первое условие чисто эстетического наслаждения – свобода, отсутствие всякого интереса. Чувство *красивого*, прекрасного основано на простом созерцании, на *представлении* предмета. Для эстетической эмоции ощущений не нужно – она не материальна, а *формальна*. Приятным мы называем то, что улаживает, добрым – то, что внушает уважение, прекрасным – то, что нравится. Приятное имеет дело со склонностями человека, доброе с волей, прекрасное с чувством. Темперамент, практический разум и вкус – вот орудия удовольствий трех различных родов. Темперамент и практический разум – источники чувственных и нравственных удовольствий, вкус – источник удовольствий эстетических, свободных, незаинтересованных, игривых. Чтобы восторгаться красивым, надо обладать хорошим вкусом, т. е. способностью судить о предмете или известном представлении на основании одного удовольствия, или неудовольствия и без всякого интереса: только таким абсолютно незаинтересованным вкусом кладется грань между тем, что красиво, и тем, что некрасиво¹⁶.

¹⁵ Ibid. § 3. Das Wohlgefallen am Angen. ist mit Interesse verbunden, 44; § 4. Das Wohlgefallen am Güten ist mit Interesse verbunden, 46.

¹⁶ Ibid. § 5. Geschmack ist das Beurtheilungsvermögen eines Gegenstandes oder einer Vorstellungsart durch ein Wohlgefallen, oder Missfallen ohne alles Interesse. Der Gegenstand eines solchen Wohlgefallens heisst schön. 50.

Итак, эстетическое наслаждение есть наслаждение формой, представлением и, притом, совершенно свободное, незаинтересованное наслаждение. Этим объясняется, почему эстетическое суждение, не будучи суждением логическим, имеет тем не менее характер всеобщности. Удовольствие заинтересованное может быть только частным: у каждого человека свои интересы. Удовольствие эстетическое, основанное на одной только игре свободных сил, неприкосновенное ни к какому интересу, *eo ipso*^{xiii} не может быть частным: где не задеты интересы, там господствует солидарность. Эстетические суждения – единственный пример суждений, универсальность которых покоится не на определенных логических понятиях, а только на всеобщем чувстве. Кант говорит: *красиво то, что нравится всем без помощи понятия*¹⁷. Без помощи понятия – вот почему эстетические удовольствия следует отличать от удовольствий интеллектуальных, вот почему эстетически прекрасное имеет только субъективную, а не объективную целесообразность¹⁸.

И, наконец, в эстетически прекрасном (свободном от всякого интереса, всеобщем и субъективно целесообразном) должна быть еще черта необходимости. *«Прекрасно то, что без понятия познается, как предмет необходимого удовольствия»*¹⁹. Это вытекает из трех предыдущих признаков.

Остается решить, чем именно создается эстетическое чувство. Эстетическое суждение – суждение особого рода. В обыкновенных логических операциях суждение составляется из слияния чувственного представления с рассудочным понятием. В эстетическом суждении такого слияния не бывает; в нем представление только *сопоставляется* с рассудком. Гармония воображения и рассудка вызывает в нас эстетическое чувство удовольствия, дисгармония – чувство неудовольствия. Без гармонии фантазии и рассудка красота не существует. Эстетически прекрасное имеет только *эмпирическую* реальность. Оно есть произведение человеческого духа, выражение нашего собственного душевного состояния²⁰. Нечувствительность к красоте есть недостаток. Кто не умеет *свободно* восхищаться красивым ландшафтом, кто чужд удовольствиям живописных форм, тот и сам лишен элемента красоты. Способность к эстетическому наслаждению красивым, совершенно бескорыстному и свободному, знаменует душевную гармонию. Красота – одна из благороднейших задач искусства. Но одною красотою критика эстетической силы суждения, конечно, не исчерпывается. *Высокое* есть другой элемент эстетического творчества, не менее важный, хотя и переходящий несколько в область нравственных эффектов.

¹⁷ Ibid. § 9; 61.

¹⁸ Vom Ydeale der Schönheit § 17; 82.

¹⁹ Die Nothwendigkeit der allg. Beistimmung, § 22; 87.

²⁰ Untersuchung der Frage § 9; 58–61.

В анализе красоты Кант держался исключительно на почве *критических* начал. Красота есть гармония воображения и рассудка, способности *представлений* и способности *понятий* – двух способностей, с которыми имеет дело вся критическая теория познания. В аналитике высокого критицизм расступается перед догматизмом: истинно высокое возможно только в сфере нравственных идеалов, на попрание свободы. Высокое есть предмет эстетического удовольствия – *ergo*^{xiv}, наслаждение высоким должно быть свободно от всякого интереса, всеобще и необходимо. Без этих трех признаков высокое не принадлежало бы к числу эстетических объектов. Отличие высокого от красивого в четвертом признаке. Наслаждение красотой по существу своему безмятежно, тихо и сосредоточено на одной только форме предмета. Красота выражается всегда в определенных очертаниях: что не ограничено ясными линиями и отчетливыми красками, то лишено обаяния эстетической прелести. Наслаждение высоким тревожно. Высокое либо бесконечно велико, либо бесконечно могущественно и, потому, вполне определенных форм иметь не может.

Психология высокого следующая. Пусть воображению задана непосильная задача: охватить необъятное пространство. Представляющая сила человека ограничена: она объемлет только то, что замкнуто в определенные формы и имеет, так сказать, вполне отчетливую физиономию. Необъятное пространство поэтому не может быть предметом чувственного представления. Необъятное, безграничное требует таких усилий воображения, на которые человек неспособен. Но необъятное, бесконечное может быть предметом *мышления*. Рассудок мыслит то, что не поддается никакому представлению. Отсюда дисгармония между воображением и рассудком, между чувственным началом и началом интеллектуальным, духовным. А где дисгармония, там и чувство неудовольствия. Но на этом дело не останавливается. Вследствие чего явилось чувство неудовольствия? Вследствие того, что воображение оказалось ниже, слабее рассудка. Воображение работает в определенных границах, ему положены известные пределы, у которых оно останавливается в бессилии. Для рассудка нет пределов – он мыслит с одинаковою легкостью и бесконечно малое и бесконечно великое, и бесконечно сильное, и бесконечно слабое, ничтожное. Бессилие чувственного воображения есть торжество духовного элемента. Боль воображения замирает в ярком свете рассудка, неисчерпаемо сильного, могучего. Вот каким образом в человеке рождается чувство высокого. *Высоко* не безграничное пространство, а *сознание* превосходства разума над чувственностью, умопостигаемого характера над эмпирическим, свободной воли над пленными силами воображения. «Высоко то, говорит Кант, одна мысль о чем доказывает существо-

вание духовной способности, превосходящей всякий масштаб чувства»²¹. Из неудовольствия, возбуждаемого дисгармонией воображения и рассудка, рождается чувство высокого, сознание бесконечного величия моральной основы человека. Мятежное волнение духа, начавшееся страданием, разрешается в конце плавными, мощными звуками великолепной оратории. Но тут-то и ясно, что эстетическое чувство высокого переходит в сферу нравственного чувства. Эстетически красивое – есть создание только критическое, эстетически высокое без догматического элемента было бы невозможно. Над красотой собрано все сияние критического идеализма, над высоким, возвышенным загадочно трепещет ореол чего-то мистического, непознаваемого, трансцендентного...

Такова в кратких словах критика эстетической силы суждения. Скажем несколько слов о второй части «Kritik der Urtheilskraft», о критике телеологической силы суждения.

Мы уже знаем, что принцип естественной целесообразности может иметь либо субъективное, либо объективное значение. Чтобы суждение было телеологическим, естественная целесообразность должна относиться к самому бытию предмета, т. е. должна быть объективною. В первых параграфах своей «Критики телеологической силы суждения» Кант заботливо выделяет то, что только по ошибке может быть отнесено к суждениям, основанным на принципе целесообразности. Математические фигуры, без сомнения, целесообразны, но на них настоящее телеологическое суждение построено быть не может. Почему? Потому что бытие математических фигур условно, формально, а не *естественно*, действительно, *материально*²². Телеологическое суждение основывается только на *объективно материальной*, внутренней целесообразности. Именно – *внутренней*. Внешняя целесообразность вещей – относительна, условна, а телеологические суждения покоятся на всеобщем и необходимом принципе рефлексии, на таких предметах, которые в себе самих заключают причину и действие своего бытия²³. Одним словом: в кругозор телеологических суждений входят не действующие, механические причины (*causae efficientes*^{xv}), а только причины конечные (*causae finales*^{xvi}), идеальные. Телеологическая рефлексия направлена на живые организмы природы. Механическими законами нельзя объяснить *всей* человеческой жизни – вот мысль «Критики телеологической силы суждения», мысль, которой, как мы уже знаем, Кант сумел дать яркое выражение еще в 1755 году, в своей «Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels»^{xvii}. Принцип внутренней целесообразности – руководящая

²¹ Namenerklärung des Erhabenen, § 25, 100. Erhalten ist, was auch nur denken zu können ein Vermögen des Gemüth's beweist, das jeden Maasstab der Sinne übertrifft.

²² Kritik der teleolog. Urth., Erste Abtheilung, § 62, 233–239.

²³ Ibid. § 63. Von der relativen Zweckmässigkeit der Natur, 239–243.

идея при обсуждении органической природы, при обсуждении *жизни*. Необъяснимое механическим путем подводится под принцип целесообразности, имеющий *идеальную* природу. Кант поступает здесь так же, как и при антиномиях чистого разума. Философ не может сказать: жизненная сила – свойство материи, – это было бы изменой флагу критицизма в пользу греческого гилозоизма²⁴. Но философ не может также утверждать с уверенностью, что жизненная сила *вне* материи – и это было бы произвольной уступкой догматизму. Чтобы быть неуязвимым, он должен сказать: жизненная сила, органическая природа есть предмет телеологической рефлексии, не познаваемое, а только идейное, *руководительное начало*²⁵. Телеологический принцип – принцип *критический*, принцип размышления о предметах, возникновение которых не может быть объяснено одними только *механическими* производителями. Нелепо надеяться, говорит Кант, что когда-нибудь может явиться новый Ньютон, который объяснит нам рождение малейшей травки с помощью одних действующих сил природы²⁶. Это решительно невозможно. Знаменитая «Philosophie zoologique»^{xviii} Ламарка не опровергает Канта. То, что составляет самое типическое явление в живых организациях, бытие *психическое, нравственное*, не может быть разложено механическим путем...

«Kritik der teleologischen Urtheilskraft» заканчивается размышлениями догматического свойства. Какова последняя цель всей природы вообще? Какова последняя цель творения? Ответ приуготовлен всей кантовской метафизикой нравов. Практический разум первенствует над теоретическим – значит, моральная свобода, моральный человек (*homo noumenon*^{xix}) и есть последняя цель всего сущего. Ибо о человеке моральном, – говорит Кант, – уже нельзя спрашивать, для чего (*quem in finem*^{xx}) он существует²⁷. Выше моральной цели нет никакой другой цели. Бесконечная лестница друг над другом возвышающихся целей заканчивается моральной волей, настоящим венцом могущества и славы...

XVI.

Если свобода есть всеобщая цель природы, то понятно, в чем должна заключаться цель человеческого рода, в его постепенном и последовательном развитии. Задача человеческой истории – вскрытие нравственной свободы, окончательная победа воли над чувственностью, разума над природою. Эту

²⁴ Гилозоизм – учение о живой материи: ὕλη – материя, ζῷος – живой.

²⁵ § 65, Dinge, als Naturzwecke, sind organisirte Wesen, 246 –230.

²⁶ Ibid. § 75, Der Begriff einer objectiven Zweckmässigkeit der Natur ist ein *kritisches* Princip für die reflektirende Urtheilskraft, 278.

²⁷ § 84. Von der Endzwecke des Daseins einer Welt, 319–321.

мысль Кант защищал в нескольких статьях, посвященных философии истории, борясь при этом преимущественно с материалистическими взглядами своего времени. Моральное понимание истории само собою вытекает из таких сочинений, как «Критика практического разума» и «Религия в пределах чистого разума». Если нравственная воля есть основа всего *феномального*^{xxi}, если умопостигаемый порядок мира – реальный субстрат всего сущего, то человек не может стремиться ни к чему иному, как к наибольшей нравственной свободе. Задача истории – задача нравственная. Развитие на поприще различных форм культуры и политики, в последнем своем основании, есть развитие нравственное, духовное²⁸.

На этом мы заканчиваем обозрение кантовской морали в широком смысле слова. Вся метафизика нравов исчерпана. Её преимущественно догматическая природа обнаружена, её связь с главными теориями критического идеализма выступает с достаточной выпуклостью. Между мистицизмом разобранных нами «Чтений о психологии»^{xxii} и учением о нравственной свободе легла трансцендентальная эстетика с её открытым выходом в мир нуменальный, в мир свободы и правды.

Мистицизм, трансцендентальная эстетика и учение о свободе – три ярких момента в кантовской философии, не противоречащих друг другу, а друг друга как бы подготовляющих. Говорим *не противоречащих* только в узком смысле: не противоречащих один другому *в пределах* кантовской системы. От трансцендентальной эстетики один шаг к мистицизму и свободе. И кто принял кантовское учение о пространстве и времени, тот не может отвергнуть и учение о свободе, об умопостигаемом характере, окруженное густою тенью непознаваемого. Трансцендентальная эстетика – центр кантовской философии, около которого описаны два концентрических круга. Теория критического идеализма – монумент, стоящий на двойном основании: в скрытой глубине – свобода, Бог, бессмертье, на открытой поверхности – мир чувственных представлений и рассудочных понятий... Мы не пишем критического этюда о Канте: нас интересует пока только психическая сторона дела. И вот нам кажется, что во всей *метафизике нравов* отразились превосходно те душевные эмоции, которые волновали одного из величайших гениев человечества. Кант велик своей замечательной теорией познания, но его *величие* – в учении о нравственной свободе, об умопостигаемом характере, в учении об искуплении – одним словом, в его догматике. Представьте себе человека, одаренного всеми органами восприятия и рассудком, но лишенного эмоциональных способностей. Такой человек не мог бы существовать. Эмоция – субъективный момент в нашем бытии, это

²⁸ Phil. Bibl. B. 37. Idee zu einer allg. Gesch. (1784), Recension von Herders Ideen (1785), Muthmasslicher Anfang der Menschengesch. (1786).

огонь, на котором поставлен котел жизни. Нет эмоций, потухло пламя, жизнь неизбежно должна прекратиться. Бесчувственность, индифферентизм – медленная, но верная отравка. Теперь представьте себе человека, у которого субъективный момент жизни всегда окрашен мрачным цветом. Движения рассудка, все отправления органов восприятия – всё возбуждает в нем одно только чувство неудовольствия. Такой человек тоже не может долго существовать. Пессимизм – философский синоним смерти. Индифферентизм и пессимизм – оба разрушают человеческую жизнь, один – замораживая дух человека, другой – нагоняя на него беспросветную тьму. И мы едва ли ошибемся, если скажем, что настоящее величие не свойственно ни индифферентизму, ни пессимизму. Величие на стороне здорового философского оптимизма. Кантовская мораль полна величия, ибо вся она проникнута живыми, радостными эмоциями, ибо вся она вылилась из души человека, полного веры, пафоса, огненного восторга. Борьба с *радикальным* злом во имя нравственного добра имеет смысл только при убеждении, что добро возможно, что свобода – не химера, а реальная правда. Мрачные краски, которыми изобилует «Религия в пределах чистого разума», обозначают только, что путь к правде тернист, но вовсе не пятнают самой правды – чистой, светлой, сияющей. Кантовская философия – произведение человека с неисчерпаемой душевной бодростью. В ней слышен призыв к жизни, к деятельной работе, к высоким подвигам. В ней нравственная свобода, право, добродетель прославлены в выражениях, сияющих святою простотою и огромною, бескорыстною любовью к людям, к правде. Мир – есть храм с бесконечным небесным сводом. В этом храме так много чудесного, так много чарующего! В этом храме так много таинственного, непонятного! Кто разгадал, что есть смерть, что – рождение? Кто объяснил, что есть мысль человеческая! Великая философия не могла не вместить в себе по возможности всей картины жизни, всего дивного храма мироздания. И кантовская философия именно великая философия, как бы замечательный артистически снимок с живой природы. В ней знание рядом с верой, отчетливое, ясное рядом с таинственным и загадочным, твердая земля, увенчанная бесконечным и недостижимым небом...

Кантовская философия замечательна еще вот в каком отношении. В ней три отдельных части: теория познания, метафизика и этика, и в каждой из этих частей Кант сумел сказать свое собственное, оригинальное слово. *Критическая* теория познания – переворот, разрешивший недоумения английского сенсуализма и немецкого спиритуализма, метафизика – оригинальнейшее учение о феноменах и нумена^{xxiii}, этика – совершенно новое учение о свободе, о категорическом императиве. Такое обилие творчества до Канта обнаруживали очень немногие.

Список литературы

1. Волинский А. ...Русские критики: Лит. очерки / А.Л. Волинский. СПб.: Тип. М. Меркушева (б. Н. Лебедева), 1896. [4], IV, IV, 827 с.
2. Волинский А.Л. Критические и догматические элементы философии Канта // Северный вестник. 1889. № 7. С. 67–87; № 9. С. 61–83; № 10. С. 89–109; № 11. С. 51–72; № 12. С. 55–78.
3. Волинский А. ...«Книга великого гнева»: Крит. ст. Заметки. Полемика. СПб.: Тип. «Труд», 1904. VIII, LXXVIII, [2]. 524 с.

References

1. Volynskiy A. ...*Russkie kritiki: Literaturnye ocherki* [Russian critics: Literary essays]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva (b. N. Lebedeva), 1896. 827 p.
2. Volynskiy A.L. *Severnoy vestnik*, 1889, No. 7, pp. 67–87; No. 9, pp. 61–83; No. 10, pp. 89–109; No. 11, pp. 51–72; No. 12, pp. 55–78.
3. Volynskiy, A. *Kniga velikogo gneva. Kriticheskie stat'i. Zametki* [The book of the great wrath. Critical article. Notes]. Saint-Petersburg: Tipografiya «Trud», 1904. 524 p.

Примечания.

ⁱ См.: [2: 12, с. 55–64].

ⁱⁱ «Grundlegung zur Metaphysik des Sitten» – книга И. Канта «Основы метафизики нравственности»: Kant, Immanuel. *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. Riga: Hartknoch, 1785. 128 S. (на нем. яз.)

ⁱⁱⁱ «Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre» – книга И. Канта «Метафизические основные начала учения о добродетели»: Kant, Immanuel. *Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre*. Königsberg: Bey Nicolovius, 1797. X, 190 S. (на нем. яз.)

^{iv} «Religion innerhalb der reinen Vernunft» – книга И. Канта «Религия в пределах только разума» Kant, Immanuel. *Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft*. 2-te verm. Aufl. Königsberg: Bey Nicolovius, 1794. XXV, 314 S. (на нем. яз.)

^v «Kritik der Urtheilskraft» – книга И. Канта «Критика способности суждения», посвящённая эстетике и телеологии: Kant, Immanuel. *Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre*. Königsberg: Bey Nicolovius, 1797. X, 190 S. (на нем. яз.)

^{vi} Трактат И. Канта «Наблюдения над чувством красивого и высокого» (1766): Kant, Immanuel. *Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen*. Königsberg: Kanter, 1766. 110 S. (на нем. яз.)

^{vii} Трактат И. Канта «О различных расах людей» (1775): Kant, Immanuel. *Von den verschiedenen Racen der Menschen zur Ankündigung der Vorlesungen der physischen Geographie im Sommerhalbjahre*. Königsberg, 1775. 12 S. (на нем. яз.)

^{viii} Статья в журнале И. Канта «Определение понятия человеческих рас» (1785): Kant, Immanuel. *Bestimmung des Begriffs einer Menschenrace* // *Berlinische Monatsschrift [Zeitschrift]*. 06 (November) 1785, S. 390–417. (на нем. яз.)

^{ix} Статья И. Канта в журнале «Об употреблении телеологических принципов в философии» (1788): Kant, Immanuel. *Über den Gebrauch teleologischer Prinzipien in der Philosophie* // *Wieland's deutscher Merkur [Zeitschrift]*, Januar und Februar 1788, S. 36- 52 u. 123–136. (на нем. яз.)

^x *Urtheilskraft (Urteilskraft)* (нем.) – рассудок

^{xi} *Kritik der ästhetischen Urtheilskraft* (нем.) – Критика эстетического суждения

^{xii} *Kritik der teleologischen Urtheilskraft* (нем.) – Критика телеологического суждения

^{xiii} *eo ipso* (лат) – тем самым, в силу этого

^{xiv} *ergo* (лат) – следовательно, итак

^{xv} *causae efficientes* (лат.) – производящая причина, действующая причина

^{xvi} *causae finales* (лат.) – целевая (конечная) причина

^{xvii} «Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels» – книга И. Канта «Универсальная естественная история и теория неба или попытка объяснить конституционное и механическое происхождение Вселенной на основе ньютоновских принципов», анонимно опубликованная 1755 году: *Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels oder Versuch von der Verfassung und dem mechanischen Ursprunge des ganzen Weltgebäudes nach Newtonischen Grundsätzen abgehandelt*. Königsberg und Leipzig: Petersen, 1755. 200 s. (на нем. яз.)

^{xviii} «Philosophie zoologique» – книга Ламарка «Философия зоологии» (1809) Lamarck, Jean Baptiste Pierre Antoine de Monet de. *Philosophie zoologique, ou, Exposition des considérations relative à l'histoire naturelle des animaux*. Paris: Chez Dentu [et] L'Auteur, 1809. (на фр. яз.)

^{xix} *homo noumenon*, от греч. «человек» и «ноумен» (умопостигаемая сущность) – понятие кантовской «Критики телеологического суждения», где человек рассматривается как обитатель двух миров (царств). С одной стороны, человек есть «существо, одарённое чувствами» и в этом смысле принадлежащее к одному из видов животных (*homo phaenomenon*), с другой, человек есть «существо, одарённое разумом», то есть субъект морали (*homo noumenon*)

^{xx} *quem ad finem* (лат.) – до скончания веков; до бесконечности

^{xxi} Феномальный – от «феномен» (*phaenomenon* – греч.), находящийся в мире феноменов

^{xxii} «Чтения о психологии» – издание лекций Канта с предисловием Дю Преля : Kant, Immanuel, and Karl Ludwig August Friedrich Maximilian Alfred Du Prel. *Vorlesungen über Psychologie: Mit einer Einleitung: Kants mystische Weltanschauung*. Leipzig: E. Günter, 1889. 96 p.

^{xxiii} Термин И. Канта «нумен» – то же, что ноумен (*noumenon* – греч.), умопостигаемая сущность, «вещь в себе»